

гающему количеству заправокных станций.

Появилась собственная фанона плитка на тротуаре перед каждым офисом или магазином. Соседство выбоин (открывающих многослойность асфальта, по которому можно изучать культурные пласты поселения) и прекрасной работы навесов над входом в рестораны или гостиницы (правда, перегорает тротуар, и так превращенный в дикое автостоянки).

Появилось обилие газет, действительно отличающихся по направлению и освещению одесской (и не только) действительности. 2 (две!) еврейских одесских газеты (да что там газеты, — две еврейских общины). Новые синагоги. Национальные школы на всех коренных одесских языках. Культурные центры.

Появились дорогие бутики (скажем проще — лавки) с одеждой якобы от Юго Босса. Но уже выбор продовольствия (которое делилось раньше на "наше" и "не наше") идет в пользу "наших". Вместо гастронома № появились названия "Обжора", "Сельпо", "7/40"... Уличные продавщицы (их и торговки не называешь) рабоче-крестьянских семечек предлагают и аристократический миндаль.

Не придираясь к метафоре и принимая сказанное дословно, они избрали его почетным членом своего творческого союза.

В овтинских рассказах им импонирует раскованная манера письма, не стесненная условностями направления или "школы", как и шершавая шероховатость штриха, за которым проглядывала прочная, сплетенная из натуральных нитей основа. Изысканные колориты с руками кровельщиков, привычки писать пленэры, споласкивая кисти в портвейне, сдвинув на могучие лбы академические береты и закинув за спину потертые лакированные ящики на десантных ремнях, они и сами свободно входили в ткань его повествования, подсаживаясь к столу.

Листья платанов хлопотливо лопотали за порогом, вороненая виноградная гроздь влетала в кованую оконную решетку, серая соль высвечивалась в полумраке...

Здесь были молчаливые мастера городского пейзажа, любившие этот город любовью пристальной и чувственной, умевшие при случае отдать дань натюрморту, захаживал говорливый авангардист в красной турецкой феске — похожий на зуава, с медалью собственного имени, отлитой из украденной серебряной ложки, покачиваясь, подчаливали маринисты с картофельными лицами, испеченными белым солнцем Каролино-Бугаза, являлись тихие после бенефисов творцы площадных монументов, знающие лучше других, что жизнь коротка, а память податлива, как зеленая скульптурная глина.

Иных уж нет. Ушел, отметившись напоследок в "Альбоме", славный мастер Коля Степанов, лепщик и лирик, крестный папа "Пети и Гаврика", не стало медлительного и мощного Адольфа Лозы, давно уж перебрался к другим берегам "Маленький Дали" — создатель музыкальных шкатулок, любитель эпатажа Люсьен Дульфан. Как хорошо, что навсегда они запечатлелись в овтинской прозе...

Возможно, именно общение с художниками и подсадало ему идею "Альбома" — нечто вроде блокнота для зарисовок, — где то, что не успевало запечатлеться с натуры в полном объеме, могло дополниться беглыми пояснительными записями, в надежде хотя бы таким способом удержать ускользающее мгновение, — листы, напоминающие больше переписку с рисунками на полях, или дневники, испещренные замыслами, осуществ-

У одесских фонтанов появились французский собрат. Фонтан духов, задуманный Кристианом, уникален. Бронзовый Двенадцатый стул рядом подсказывает нужную тональность в оценке чудодейства. Используя возможность рассказать о своем детище по-французски, Кр с увлечением уверял нас в истинности фонтанирующей жидкости, подтверждал визитной карточкой и разными дипломами. Как раньше зачерпывали воду из фонтанов ведром, так мы из французского фонтана зачерпнули Духи в приготовленную для этого аптечную посуду, чтобы убедить своих друзей, что в Одессе французские духи продаются на разлив (!) по цене духов николаевской фабрики "Алые паруса" (!!). Невероятно. Bravo, Кр!

Показалось, что население делится поровну на появившихся охранников и на тех, которых они охраняют. Черные костюмы свежестриженных молодых людей соседствуют с камуфляжной формой ветеранов. Мы шарахнулись в сторону от укороченного автомата в руке у парня в пуленепробиваемом жилете в ювелирном на Дерибасовской... Но вот банк. Охранник читает газету. Кто же защитит от гангстеров?

Появилось не ограниченное

время из которых суждено лишь немногим.

Было ли это и вправду некое подобие "Чукоккалы", где каждый мог оставить свой автограф, или припомнилось ему неоднозначное "Бывало, писывала кровью она в альбомы..." из второй главы "Евгения Онегина", — собрание пестрых глав, Gelegenheitsgedichten (стихи на случай), девичье рукоделие, маргинальные литературные игры — жанр, определения которому и по сей день не могут найти наши вполне доброжелательные рецензенты. А ведь как просто! (если воспользоваться восклицанием Л.Н. Толстого, резюмировавшего таким обезоруживающим образом идею "Войны и мира") — нужно, всего-то, чтоб объединились под одной обложкой люди хорошие, как уже, вероятно, успели устроиться под другими переплетами люди дурные...

Оставалось только собрать по соседям стулья (включая стоявшую во дворе садовую скамейку и "тубаретку" бабы Франи) или создать новую партию полукресел с обивкой из английского ситчика, чтоб разместить приглашенных.

На этих страницах прохаживались министры, украшенные позументом и аксельбантами, вышедшие в отставку с правом ношения мундира, здесь были кирпично-красные приятели из парилки на Провиантской, исхлестанные можжевеловыми (дубовыми, березовыми, эвкалиптовыми, с польню и хреном) венниками у котла, переделанного из рогатой противолодочной мины, похожей на колючий каштан, профессора медицины с оксфордскими сертификатами, грузные газетные магнаты с розовыми лицами вегетарианцев, всеядные представители деловой элиты, рядом — футбольные болельщики с 33-й трибуны (во главе с маленьким, наглым, похожим на Коровьева человеком с граненым стаканом в руке), знаменитые в прошлом спортсмены, боксеры с расплещенными, как на медали, лицами — теперь меценаты, застенчивый шахматный экс-король, похожий на мальчишку, незабвенный бард с гитарой, чей голос мог разорвать стены Иерихона, писатели, деятели культуры, кинематографисты, нобелевский лауреат, "не по торговым странствуя делам", однажды посетивший Одессу, корреспонденты влиятельных столичных изданий, настоятельница женского монастыря с букетом нарисованных роз, всеми уважаемый губернатор в ленте.

— Eh bien, mon prince. Genes et Lucques ne sont plus que des

совдеповскими убогими нормами (этажность, высота потолков, площадь кухни...) индивидуальное строительство. Трехэтажные виллы с бассейнами для красных рыбок и отдельно для детей. Одесса прочно застряла в фазе первоначального накопления капитала: распродажа исторически неценных домов и площадок. Новое здание в Пале-Рояле затмит оперный и разрушит очарование заповедного места; крошечный сквер моего детства на пересечении Канатной и Итальянского бульвара застроен Палладиумом...

Есть ли главный архитектор города, гарант сохранения одесской неповторимости?

Появилась национальная свободно конвертируемая валюта (хотя еще есть у. е.). Ее зарабатывают, а не получают как милостыню при выезде за границу. Твердая валюта других стран перестала быть уликой преступления. По непонятному множеству обменных пунктов кажется, что обмен — любимый спорт одесситов.

В лексиконе появились новые слова: круассан, аперитив, Мягков, Немирофф, бутики, презентация, биотуалеты, высокая музыка, высокая мода, кутюрье, шардонэ, элитный, сэконд хэнд...

Появился выпускаемый в се-

ле Шабо коньяк "Версаль". Нонсенс. Закон определяет название товара (в основном вино и сыр) по имени только той местности, где он произведен. Отсюда коньяк только из провинции Коньяк, шампанское только из Шампани, а по названиям сыров изучают географию (Рокфор, Контэ, Сан-Нэктэр...). Но это нам не привилось, так будет больше армянского коньяка одесского разлива и одесской колбасы московского мясокомбината.

С Шустовым как-то тревожно. У нас в семье много лет хранился коньяк с рельефными буквами CHOUSTOFF на бутылке и гирляндой золотых медалей вокруг профиля Шустова. Коньяк привез папа перед самой войной из Молдавии, которая "присоединилась" к Союзу. Папа был корреспондентом в вошедших в Кишинев частях Красной Армии и рассказывал про Шустовский коньячный завод. Или я что-то путаю?

А пока в Одессе появилась своя Эйфелева башня, магазин своих Елисейских Полей. Символика французской столицы на упаковке коньяка Жан-Жак (кстати, имя в латинской транскрипции приведено с ошибками). Наверное, купили право использовать в рекламных целях известные торговые марки. А иначе, как?

Лион, Франция

Ирина ЕГОРОВА Одесса, 2004

Стрелой дороги пронзена,
Лечу, лучиста и вольна.

И полноценно влиться как
В смиренномудрие растенья?

***

Несытым взглядом,
тихим жестом,
Как поглядишь —
не все смогли
Из-за окошка, мимоездом
Слизать гармонию Земли.

Море соленым нутром
Кожный ласкает покров.
Небо — роскошным шатром.
Дальние мыки коров.

***

Плаксивые дали.
Леса рукоплещут,
Кивают, мотают башкой.
Колеса кудахчут.
И дети щебечут.
И рельсы над умной рекой.

Морю лень
шевелинуть волною,
Птице лень
шевелинуть крылом —
И висит она над водою.
Солнце прёт и прёт напролом.

***

Грядки — прописью
в тетрадках огородов:
Учится Земля —
в процессе родов!

Холодных волн
горячие объятья,
И море месит тело,
как пельмень.
Опять — туда...
хочу туда опять я...
Еще волна... ну, эта —
так, боль-мень...

***

Задумчивость козы —
в морях зеленых трав,
В разгульном разноцветии
цветов.
Бог, очевидно,
не совсем и прав:
Козиный ум к такому не готов.

И солнца масло
в каше облаков,
И пасти волн
упругое жеванье.
Вот взбит коктейль из нас
и пузырьков,
С нерастворимой жадностью
желанья.

***

Земля под Неба колпаком,
Леса —
под Неба наблюдаем.
Все вместе,
в мыслях ни о ком
Стоят свидетели — растенья.

Вот солнце из-за тучки
Лучей раскрыло зонтик.
Кораблик белой гонимой
Втянулся в горизонт.
Я телом раскаленным
Пронзаю глубину
И радуюсь в соленом,
Медлительном плену.

***

Лежу, лицом уткнувшись
в небо,
А спину — озеру отдав,
Себя оставив на потребу
Воде, жующей, как удав.

По дороге в Санжейку

Воздух жареный.
Поле пшеничное.
Маков капли. Коза. Васильки.
Полдень.
Ласточки стелятся низко.
Ветер даже не просит руки.

***

Цветов и дуновений брак,
Воды — и солнца озверенья.

Вновь моросит, ну конечно...
Как избежать, уходя,
Взглядов, желеюще-нежных,
Ласковых пальцев дождя?

Владимир МИНЕНКО